

Кирилл Ликов

Мелкая сошка

вертепские истории

Кирилл Ликов
Мелкая сошка

Серия «Вертепские истории», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70489822

SelfPub; 2024

Аннотация

Мой друг, если бы старый безмозглый Харм видел точный путь искоренения всего, что ему не нравится на этой земле, то, поверьте, он бы не сидел тут сложа руки в размышлениях и созерцании. Как только я узнаю или пойму обходные пути для «Не навреди» и «Не уверен – не обгоняй», я тут же начну действовать, но сейчас это совершенно бессмысленно...

Кирилл Ликов

Мелкая сошка

Утро в окрестностях Вертепска играло всеми отблесками и оттенками красного цвета. От яркого и блистающего пурпура до нежного, пастельного розового. Заря была великолепной, и даже туманность, скопившаяся возле речушек и болот, не мешала и не портила эту красоту. Рыба в озере плескалась громко, не боясь и не стесняясь своих игр. Молодые птички оттачивали свои голоса в каждодневном утреннем соревновании. Жизнь в лесу начинала просыпаться и отправлялась по своим делам. Белки носились по веткам в поисках шишек, муравьи, пыхтя, топали по своим тропам, неся на плечах разнообразную живность и строительный материал, молодые волчата под присмотром матери возились в траве и играючи пытались охотиться друг на друга. И только одно существо в этом лесу сидело на поляне и не проявляло хоть какие-то признаки жизни и заинтересованности во всем, что творится вокруг.

Старый Харм думал и одновременно наслаждался бешеной суетой и текучестью лесной жизни. Лешие вообще любят подумать. Что еще делать на досуге существам, которые слеплены и камня, дерева, мха и еще сотни неорганических и органических веществ, да еще и в придачу живут под ты-

сячу лет. Только думать и размышлять, как бремен и суетен этот мир. Давно прошли те времена, когда он маленьким неразумным и зеленым подростком рвался в Вертепск, город, что стоит рядом с лесом, думая, что там намного интересней и веселее жить, чем в наскучившем с детства лесу под надзором патриархальной семьи. Прошли те времена, когда он все же выбрался в город, устроился на должность лешего Центрального парка культуры и отдыха, жил, ведя разухабисто-загульную жизнь, и наслаждался обществом верных друзей и шальных подруг. Все было в прошлом. Все. И революции, и мятежи с бунтами. Он даже стал председателем профкома вертепских леших и правил дела своих родственников, коллег и родичей. Даже переизбирался на этот пост пять голосований подряд. Но это было давно. Сейчас же Харм ду- мал.

Шаги раздались неожиданно. Неожиданно для кого угодно, но не для Харма. Неожиданно для того, кто вслушивается в каждый отдельный шорох и скрип. Харм же слушал лес. Он знал об идущем уже тогда, когда тот обогнул первую березу и отвел когтистой лапой от глаз тонкую ветку.

– Приветствую тебя, Харм, – сказал пришлый, зная, что леший не начнет говорить первым.

– И тебе доброго утра, кровавое дитя природы.

– Я послан к тебе из города, Харм, и мне поручено сделать тебе предложение.

– И ради этого ты отвлекаешь меня от созерцания матушки Природы? Довольно мелкий повод для этого. Смею тебя заверить.

– Ты, как всегда, мудр один из долгоживущих. Но природа не меняется тысячи лет, а темному обществу нужна твоя помощь!

– Природа меняется каждое мгновение, сын славных родителей, а вот темное общество, как, впрочем, и люди, не меняется никогда.

– Ну не мне спорить с великим лешим, конечно, но, на мой взгляд, природа все-таки менее изменчива, чем сообщества людей либо нас.

– По форме, мой друг, по форме. Но не по содержанию. Мы, темные, изначально строим козни людям и вот уже на протяжении тридцати тысяч лет испытываем от этого сплошное удовольствие, не намереваясь даже хоть чуть-чуть измениться. Люди же все это время заняты уничтожением своего рода и делают с каждой сотней лет это все качественней, еще

они так же, как себя, не жалея, убивают мать природу. Так что, увы, природа менее стабильное сообщество. Мутации, новые виды, изменения климата – все это делает ее изменчивой и неповторимой в каждое мгновение.

– Ладно, это все лирика и отступление от главной темы. Ты позволишь мне рассказать, зачем я к тебе направлен?

– Я и не запрещал. Валяй.

– Лесные кланы города Вертепска...

– Тебе не кажется, что уже звучит как анекдот? – перебил его Харм. – Лесные кланы города...

– Нет, не кажется... Ты сам был профсоюзным лидером такого клана.

– Я был чертовски молод...

– Начнем заново. Лесные кланы города Вертепска хотят навести порядок в темном городе и предлагают тебе присоединиться к ним. Ты узнаваем в Вертепске и уважаем. Если ты даже откажешься помогать нам своей силой, то твоя знаменитость послужит кланам лучше твоей мощи.

– Зачем наводить порядок и что подразумевается под этим словом сейчас?

– Мы хотим, чтоб правили истинные дети природы в Вертепске и его окрестностях. Вампиры и другие неродившиеся сами собой довлеют в городе, их диаспоры наживаются на нас, а их обилие денег приводит к тому, что на политическом олимпе их права ценятся гораздо выше наших. Это несправедливо. Мы долго молчали, но сейчас уже отвергнуты все компромиссы, сделаны последние шаги и обвинения. Лесные кланы поднимаются и объединяются меж собой, чтоб показать, кто в городе хозяин.

– Пафосно глаголешь, витиевато и складно, но, сколько б ни говорил, носом чую: все это простая борьба за власть. Кикиморы во главе движения небось стоят?

– Кикиморы, – согласился пришлый, – но дело не в этом. Дело в объединении всех лесных жителей в один массивный кулак. Не только силовой, но и политический.

– Раз кикиморы взялись за дело... жди лихого оборота.

– Да при чем тут кикиморы? Они только первыми поняли, что в мире творится, и другим глаза раскрыли. Лесной народ теперь зряч благодаря им.

– Ну, глаза по-разному открыть можно, ну да не в этом суть, – ухмыльнулся Харм. – Вот ты все «лесной народ» да «лесной народ», а кто из вашего народа-то в лесу был? Кто его еще помнит-то? Все в хоромах каменных живете да по барам с пивными шляетесь, на машинах ездите, а все себя лесным народом величаете.

– Под названием «лесной народ» мы подразумеваем существ, рожденных таковыми изначально, а не ставших темными способом преобразования смертью человеческих тел.

– То есть вы истинные?

– Естественно.

– Я настолько стар, что помню не по рассказам про «Ночь кровавых когтей». Если мне не изменяет память, то и тогда бунт начали кикиморы, правда их поддержали только оборотни. Они назывались тоже истинными, и ради этого названия темный народ потерял в одном Вертепске почти половину ни в чем не повинного населения, а законы предписывают оборотням иметь четко ограниченное в каждом городе сообщество.

– Оборотни не забыли того позора! – гордо выкрикнул

пришедший. – Ради устранения этой несправедливости мы и объединяемся с другими кланами. Но сейчас не то время, и мы не собираемся воевать со всеми. Лесные кланы будут действовать только на политической арене. У нас такие лидеры, как Улька, Бран и Сквоч.

Всех троих Харм знал еще по временам профсоюза. Улька была старой хитрой лисой, как и полагается кикиморам. Она всегда держалась той стороны, где светила большая выгода. Бран, если говорить мягко и без трехэтажных выражений, был зверем в полном смысле этого многозначного слова. Его впечатляла только сила, а ум завораживала только власть. Сквоч был из породы одноглазых лих и, естественно, был великолепным оратором, а вот как политик он был безынициативен и бесхарактерен. Его было легко переманить на свою сторону, сбить с толку и заставить поменять свою еще недавно казавшуюся незыблемой позицию. В общем говоря, троица была еще та.

– Лешие предлагают тебя четвертым главой, и если ты согласишься, в Вертепске не будет больше политической силы, которая нас сможет остановить.

– Уговорил, чертяка языкастый. Предположим, я согласился и мы победили. Что дальше?

– Как что? Восстановление нас в павах.

– Ну, это вас, оборотней. Что после этого получит остальной «лесной народ» и вообще мирные граждане? Что изменится в Вертепске и его окрестностях?

– Мы сделаем мир чище и справедливей.

– А конкретнее можно?

– Я не настолько осведомлен о делах руководства, чтоб отвечать на этот вопрос. Сейчас стоят немного другие первоочередные задачи. Как только мы получим власть, вы поймете, глубокоуважаемый Харм, что с нами жизнь станет лучше, минимум не хуже.

– Но если жизнь станет не хуже, то зачем менять шило на мыло? Вы планируете сделать жизнь такой же, как сейчас, но зачем менять то, что есть, на то, что может быть, но примерно такое же?

– Я не политик и не оратор, мне трудно размышлять над этими вещами. Знаю только одно. Каждый патриот лесного братства должен для выполнения поставленной задачи приложить как можно больше усилий, умений и усердия, и тогда жизнь станет такой, которую мы хотим.

– Для того, чтоб наше существование улучшилось, нужно как минимум найти существ в будущее правительство идеально чистых и объективных. Есть такие?

– Найдутся. Выбор народа всегда правильно определяет самых лучших.

– Уже пять сотен лет кандидаты на высшие посты из лесного народа не занимают их, хотя нас обычно больше по количеству, чем других народностей. Вывод? Я предполагаю, что это оттого, что выборы большинством не всегда есть выборы верные. Народ можно обмануть, переубедить, и тогда лучшие и объективные останутся за бортом событий, а власть захватят лизоблюды и мздоимцы. Как вы собираетесь с этим бороться?

– Согласен с вами, достопочтенный Харм. Все это может случиться, но не в нашем обществе. Так как существа, которые поддерживают нашу идею, хоть и темные по сути, но чисты сердцами и помыслами.

– То есть вы предлагаете проводить выборы только тем составом, который поддержал идею и движение? Но тогда позвольте вас уверить, что не все идущие за вами имеют патристические стремления. Есть и те, кто идет по меркантиль-

ным интересам.

– Если сложится так, что народ сам себе не сможет выбрать правителей, то этим займутся основатели движения, а их твердости и патриотизму не доверять нет смысла.

– То есть лучшие будут выбирать лучших?

– Примерно так.

– Тогда тут вообще нет смысла. Если выбирать будут лучшие, то они выберут априори или себя самих, так как лучше них нет по определению, или заведомо хуже себя, и тогда, естественно, в правительство все рано попадет какой-нибудь тип с червоточинкой лизоблюдства или меркантильности.

– Они не будут выбирать с червоточинкой.

– Тогда остается только первый вариант, а это не что иное, как борьба за власть, и не более. Прийти к власти и назначить себя царем на основании того, что только ведущий знает, куда следует стадо, что может быть банальней?

– Я думаю, что не все так страшно, уважаемый Харм. Всегда есть существа, для которых дело превышает личного интереса. И если такие будут, то наши вожаки их найдут и при-

ведут к служению народу.

– Идеальных думающих существ не бывает. Каждое существо, если у него есть хоть капелька разума, в первую очередь думает о себе. Это закон выживания. Иначе бы на этой планете, кроме цветов и травы, давно бы уже ничего не существовало.

– Кроме плотских стремлений у каждого есть еще и другие, так называемые людьми духовные. Люди верят в добро и справедливость, поклоняясь Саваофу, мы же признаем кодексы чести и волю Великого.

– Окститесь, сударь, – засмеялся Харм, – ваши духовные ценности устарели тысячи, а то больше лет назад. Хотя мы и не люди, но сродни им идем по дороге прогрессирования и разрушения. И чем дальше мы проходим по этому пути, тем дальше мы отходим от тех принципов, о которых вы глаголете.

– С этим трудно, но можно поспорить.

– А вот тут вы не правы. Спорить тут бесполезно, так как эта аксиома, – оговорюсь заранее: для меня аксиома, для вас теория, – проста до банальности, тем, естественно, и гениальна.

– И в чем же заключается ваша теория?

– В двух спиральных прогресса либо, если хотите, одной, но с двойственным значением.

– Теория Листрудия?

– Она самая, а вы не такой зверь, каким кажетесь на первый взгляд.

– В человеческой ипостаси я окончил в свое время гуманитарную академию в столице.

– А вот этот факт косвенно, но подтверждает теорию Листрудия.

– И чем же?

– Ну, давайте взглянем немного назад. Я не знаю вашего возраста, но, думаю, «Светлые века» и «Эпоху знаний» вы не застали?

– Увы, я молод, зелен и сир. Сознаюсь и каюсь в этом.

– Ничего, мой друг, возраст, мозг и просветленность –

дело, в принципе, наживное. Не печальтесь, – Харм оценил шутку собеседника. – Оглянитесь немного назад, и вы увидите, что раньше было меньше всякой гнили и беспутства. С самых древних времен темные были заняты добыванием пищи, не было ни подручных средств, ни парализаторов, ни банков крови. Ничего не было, что сейчас обеспечивает безбедную жизнь неродившимся, неумершим и всем остальным. Мы восхищаемся сейчас подвигами наших предков, так как сами не способны на что-то подобное. Мы пользуемся благами цивилизации и страшно этим гордимся. Варвар, не знающий слова «телевизор», не разбирающийся в последних марках автомобилей и не умеющий самостоятельно юзать всемирную сеть, вызывает у нас только сочувствие и брезгливую улыбку, но в то же время мы гордимся своими пращурами и их подвигами, которые тот же варвар может проделать и проделывает каждый день сейчас. Посмотрите на современных оборотней, рост их и сила почти не отличаются от средней шавки дворового разлива, и сличите это с легендами, где такие же, как они, рвали хотя бы двести лет назад в собачьих боях бойцовые породы и пачками укладывали в сырую землю преследующих их гончих. Вы гордитесь, что акселерация делает вас выше и красивее? Этим можно гордиться, но если не учитывать того, что это вас делает невыносливыми и малосильными. Люди уже не срываются в ужасе с насиженных мест, услышав про вампира или оборотня, они снимают про вас кино и пишут книги. Если вы

выбежите на улицу в час пик в своем истинном облики, то даже страха не увидите в глазах прохожих человечков. Они подумают, что где-то недалеко проходит карнавал, снимают кино, или просто пройдут мимо вас и бросят пятак на пропитание бедному артисту.

Оборотень слушал все, открыв пасть и не смея возразить.

– А что у нас происходит с вашей, так сказать, духовностью? Ничего хорошего, поверьте мне. Тот же прогресс ослабляет вас и в этой сфере. Оборотень времен каменного или бронзового века, а тем более «Светлых веков», не мог себе позволить лежать на диване и бездумно проводить время, так как его постоянно гнал вперед голод и стремление выжить. В те времена люди видели оборотней, знали их силу и старались истребить, и, чтобы спасти свою шкуру, нужно было каждую минуту быть наготове. А сейчас? Сейчас вы можете купить мясо в любой лавке, кровь в любом донорском пункте. Охотиться не надо, быть готовым не надо, и у вас есть огромная возможность проводить время в размышлениях. А к чему приводят данные размышления?

– К пониманию жизни?

– Вот к этому-то они как раз и не приводят. Раньше оборотень четко верил в Лучезарного и не мог и мысли допу-

стить про его отсутствие. Сейчас же за измышления про отсутствие Великого никто не то что не покарает языкастого, а даже ухом не пошевелит, ибо у каждого есть личная точка зрения на это. Сейчас допускается все, и Его отсутствие, и природные условия возникновения нашего народа, и еще куча всяких вариантов и возможностей. Но это еще полбеды. Беда в том, что с отсутствием веры в Светлейшего мы начинаем забывать заповеди его. Начинаем думать над правильностью их. И к чему это приводит? К полнейшей демократизации темной стороны. Вампиры и оборотни отказываются употреблять в пищу человека на основании его псевдоразумности. Суккубы и инкубы плачут о том, что их не теми сотворили, и спят с подобными себе по половому признаку. Призраки и привидения якшаются с людьми. Это разве не падение нравов?

– Я согласен, достопочтимый Харм, это падение нравов. Но, что вы перечислили, это скорее исключение, чем правило.

– Если это было бы правилом, то темный народ уже бы не существовал. Мы еще не в конечной стадии морально-технической спирали, но к этому все идет.

– Не скажите. Это же не повальный процесс.

– Пока не повальный. Пока. Но он уже идет. А если какой процесс идет, то он, как правило, идет необратимо. Свидетельство тому не количество отвернувшихся от древних истин адептов, а наплевательское отношение к ним окружающих. Еще какие-нибудь двести лет назад за это бы выгнали из города и устроили бы охоту. А сейчас всем на это наплевать. Вот и выходит, что мы идем по спиральям. От верований чистосердечных к технологическому прогрессу и от зверино-плотских побуждений к демократизации морали. Вы хотите это опровергнуть?

Лестер, а именно так звали оборотня, закрыл отвисшую за время монолога Харма пасть и помотал головой.

– Так что, друг мой, единственным правильным путем изменения общества до тех пределов, что вам нужно, является полное уничтожение цивилизации и восстановление каменного века. Что, естественно, не нужно широкому числу обывателей, а следовательно, ими будет не поддержано.

– Но по крайней мере можно же попытаться пустить эти спирали назад.

– Если пытаться, то точно ничего не получится. Тут или делать все за раз, или не делать вообще. Как вы видите это постепенно? Малыми порциями и частями? И как, скажите

мне, будет это выглядеть? Запретить машины, но оставить интернет и телевидение? Или оставить все, но драться только на ножах?

– Ну, можно по крайней мере начать лечить такие пороки, о которых выговорили.

– А как их лечить? Запретить покупать кровь в пунктах сбора донорской крови? Так вы думаете побороть лень в вампирах? А смысл? Ну запретите, и что? Обозлите против себя официальных торгашей и откроете тем самым подпольный рынок? Не пойдет. Ваш запрет приведет только к изменениям, притом не в лучшую сторону, для простого обывателя, но ни к чему иному. Запретите общаться с людьми? Невозможно, ибо они живут с нами бок о бок, и дверь не заколотишь.

– И что же тогда делать? Вот вы, Харм, так много знаете, подскажите, что же нам делать?

– Ничего. У людей есть два очаровательных высказывания, которые точно описывают то, что нужно делать. Первое выражение – их колдунов, называемых у них докторами: «Не навреди!» Значит оно, что если не можешь помочь, то не стоит и пытаться вмешиваться, иначе сделаешь только хуже. Второе: «Не уверен – не обгоняй». Оно гласит, что стоит

делать только то, в чем уверен, а не жить по правилу «сейчас ударим, а там видно будет, даст ли сдачи».

– То есть, как я, сирый в своей безграмотности оборотень, понял, то если мы не уверены, что после наших дел точно станет лучше, то и замышлять их не надо?

– Альбинос думал, и волосы темнели, – усмехнулся Харм. – Вы правильно поняли, уважаемый.

– Вы предлагаете нашему движению распустить всех существ, рьяно нас поддерживающих, и плыть по течению воли Великого?

– Не стоит так близко к шкуре воспринимать мои слова. Я говорил в общих понятиях, не отождествляя все мною сказанное с кем-то конкретным и не давая точные инструкции на тему «кто виноват и что делать». Увольте меня, сударь, от ответственности методического пособия. Я предлагал всего лишь думать над ситуацией и методами ее исправления.

– А вы хороший софист.

– А как вы думали? Других разве назначали на должность глав профсоюзов?

– Из всего выше сказанного я делаю вывод, что к нам вы не присоединитесь. Это точное решение?

– Точнее только снайпер стреляет. Я выбираю ту позицию, которую озвучил. Лес – это в первую очередь покой, отсутствие цивилизации и других факторов разложения нашего народа.

– Но, может, вы будете помогать хоть советами нашему движению? Вы очень точно подмечаете отрицательные стороны у нас, так не поможете ли вы нам их исправить? С вашими мозгами и опытом это не будет так тяжело.

– Мой друг, если бы старый безмозглый Харм видел точный путь искоренения всего, что ему не нравится на этой земле, то, поверьте, он бы не сидел тут сложа руки в размышлениях и созерцании. Как только я узнаю или пойму обходные пути для «Не навреди» и «Не уверен – не обгоняй», я тут же начну действовать, но сейчас это совершенно бессмысленно.

– Но...

– Тише! Соловей начинает петь. Вы когда-нибудь слышали песню черного соловья? Нет? Слушайте, и вся ваша политика вам покажется мелкой сошкой в океане вселенского

спокойствия и порядка.